

Литературный факт. 2025. № 4 (38)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-415-433>

<https://elibrary.ru/SUMDLN>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Идеологический поворот середины 1930-х гг. в «оборонной критике»: война, патриотизм и Пушкин

© 2025, А.В. Сысоева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Работа выполнена в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01122 «Советская оборонная критика как историко-литературный феномен 1930-х гг.» (<https://rscf.ru/project/24-28-01122/>).

Аннотация: В начале 1930-х гг. представители Литературного объединения Красной армии и флота начали выделять среди произведений военной тематики те, что отвечали обозначенной в уставе организации функции «пропаганды в художественной форме задач обороны страны», и называли их «оборонной литературой»; по аналогии определение «оборонная» было перенесено на критику, объектом которой стали эти произведения, а адресатом — их авторы и читатели. В статье рассматривается воздействие на оборонную критику и литературу идеологической кампании по внедрению советского патриотизма, которая проходила одновременно и в связи с изменением в отношении к истории дореволюционной России и «русским поворотом» в национальной политике. Представления о патриотизме в оборонной критике начала 1930-х гг. реконструируются в статье с опорой на повторявшееся в критических разборах произведений о Первой мировой войне описание смены убеждений героя, а изменение оценки понятия «патриотизм» рассматривается на примере дискуссии 1933 г. об А.С. Пушкине в сопоставлении с работой 1937 г. С.М. Петрова о поэте. Выводы критиков о классической литературе были актуальны для писателей современных, поскольку соотносились с текущим идеологическим курсом. Оборонная критика осваивала новые установки на протяжении 1934–1937 гг., перешла к положительной оценке понятия «патриотизм», сместив фокус на защиту территории вместо строя. Эти изменения отразились и в литературе, именованной которой начало меняться на патриотическую: она стала чаще привлекать исторический материал, выходя за пределы XX в., и по-новому оценивать результаты войн России, поддерживавших реакционный (по определению В.И. Ленина) строй.

Ключевые слова: идеология и литература, оборонная критика, оборонная литература, журнал «Знамя», журнал «Залп», советский патриотизм, А.С. Пушкин, Н.Г. Свирин, Б.М. Эйхенбаум, С.М. Петров.

Информация об авторе: Анастасия Владимировна Сысоева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-5908>

E-mail: sysoevaav@gmail.com

Для цитирования: *Сысоева А.В.* Идеологический поворот середины 1930-х гг. в «оборонной критике»: война, патриотизм и Пушкин // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 415–433. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-415-433>

Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ; 1930–1932) было создано по инициативе военных литературных групп Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, курировалось Политическим управлением Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Часть членов организации, критиков и писателей, пришла в литературу после или параллельно со службой в армии или флоте (обычно в качестве политических работников). Целью объединения была заявлена «пропаганда в художественной форме задач обороны страны»¹. После закрытия ЛОКАФ в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» ту же работу с писателями продолжила Оборонная комиссия Оргкомитета Союза советских писателей (ССП), она вошла и в состав ССП. Журнал «Знамя», в 1931–1932 гг. носивший название «ЛОКАФ», взял на себя функции Оборонной комиссии в период ее закрытия с мая 1937 г. по январь 1939 г.² На военной тематике специализировался также журнал «Залп» (1931–1934)³. Составы редколлегий названных журналов, ЛОКАФ, Оборонной комиссии пересекались. Издания стали базой для т. н. оборонной критики, объектом которой была в первую очередь советская литература военной тематики; работы о произведениях классиков о войне также были обращены к современному писателю, задавали ему идеологические и художественные ориентиры⁴. Термин «оборонная критика» начал

¹ РО ИРЛИ. Ф. 498. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. Подробнее о создании организации см.: [17], о ее деятельности — [4, с. 138–151; 7].

² О причинах и последствиях закрытия см.: [16].

³ Об истории издания см.: [15].

⁴ Оборонные критики выступали и в других изданиях, а также помещали разборы опубликованных в них произведений военной тематики, например: *Березов П.* Ближе к оборонной тематике! Локафовская тематика в продукции литературно-художественных журналов за 1931 год // ЛОКАФ. 1932. № 2. С. 140–167.

использоваться с 1932 г.⁵ по аналогии с т. н. «оборонной литературой» (так в 1931 г. идеолог и ведущий критик ЛОКАФ Н.Г. Свирин назвал произведения, с которыми работала организация⁶). Редакции отбирали материал, некоторым критикам отказывали, некоторым, напротив, предлагали все работы помещать в журнале. Критики, обращаясь к анализу формы, отмечали штампы, неубедительность образов, неудачные формулировки и проч. Но содержание произведений обычно выходило в критических разборах на первый план, потому что определяющим условием, которое позволяло считать литературу оборонной, было соответствие текущим идеологическим установкам власти⁷.

Ключевым понятием, на которое опиралось изменение идеологического вектора СССР в 1930-е гг., стал патриотизм [6, с. 42–60]. Этот поворот оказался определяющим и для оборонной литературы и критики. Рассмотрим контексты употребления термина «патриотизм» / «патриотический» в статьях журналов «Знамя» и «Залп».

В начале 1930-х гг. критики говорили о ставшем общепринятым описании Первой мировой войны. И.С. Эвентов писал:

Во многих произведениях советской литературы и кино принято начинать описание империалистической войны с патриотических демонстраций. <...> Затем следует война в своем обнаженном реалистическом (а часто и натуралистическом) виде. Следом за этим идет сокрушение военных идеалов, гибель и просветление сознания героев.

Эта схема действительно отражает реальный ход вещей⁸.

Критик даже посчитал необходимым мотивировать то, что «описание войны в повести М. Тардова («Окопы». — А.С.) идет, минуя ее “патрио-

⁵ Например: *Свирин Н.* Оборона страны и задачи марксистской критики // *Залп*. 1932. № 8. С. 56.

⁶ Впервые термин был использован в предисловии к сборнику статей «Литература и война», сданному в набор 1 августа 1931 г. (*Свирин Н.* Литература и война. Л.: ГИХЛ, [1931]. С. 4). Можно выделить несколько наиболее популярных тем «оборонной литературы»: о будущей войне («На Востоке» П.А. Павленко, 1936), Гражданской войне («Оптимистическая трагедия» В.В. Вишневского, 1933), современной армии и флоте («Канны» С.И. Вашенцева, 1935).

⁷ Как отмечает В.В. Соловьева, одним из факторов, благодаря которым появился ЛОКАФ, можно считать желание избежать в будущем идеологических ошибок, подобных тем, что были в произведениях о конфликте 1929 г. на КВЖД [14, с. 677]. У нее же см., как публикации в журналах «Залп» и «ЛОКАФ» откликнулись на постановления по укреплению границы, организацию колхозов и пр., как оборонная литература и критика включались в идеологическую работу в Красной армии и флоте.

⁸ *Эвентов И.* Разложение старой армии. М. Тардов, «Окопы». ГИХЛ, 1933, стр. 255, тир. 5000 // *Знамя*. 1933. № 12. С. 208.

тическую стадию» тем, что героем произведения стал не «мелкобуржуазный одиночка», а солдаты⁹. П.И. Березов при описании той же схемы в повести М. Залка «Храбрый портняжка» сделал акцент на смене убеждений: «художественно сильно и психологически обоснованно показан путь от ложного патриотизма и шовинизма через растерянность пацифизма, к активно-революционному отрицанию империалистической войны путем превращения ее в гражданскую войну»¹⁰. В качестве источника модели трансформации героя критик назвал статью В.И. Ленина «Положение и задачи социалистического интернационала» (1914). Патриотизм на этом этапе представлял собой противоположный революционным настроениям полюс.

Понятие зачастую отождествлялось с «ура-патриотизмом», обычно применительно к войнам начала XX в.¹¹ В журналах публиковались разборы патриотических произведений периода Первой мировой войны, которые критика характеризовала как художественно слабые, «низкопробные», «лубочные»¹². Ура-патриотизм изредка упоминался и как недостаток советской литературы, от которого должен помочь избавиться ЛОКАФ¹³. Критика отмечала в патриотических произведениях чуждую идеологию. Обычно речь о патриотизме заходила в связи с национализмом или шовинизмом литературы прошлого¹⁴, а также при обращении к современным произведениям потенциального противника — Германии¹⁵.

Регулярное употребление понятия в отрицательной коннотации приводило к тому, что положительная его трактовка требовала пояснений. Характерен пример из статьи о Бальзаке, цикл произведений которого о Франции периода реставрации высоко оценил Ф. Энгельс: патриотизм ставился в синонимичный ряд с революционными идеалами, шла речь

⁹ Там же. Здесь и далее изменения шрифта в цитатах авторские.

¹⁰ *Березов П.* Краснознаменец на литературном фронте. О творчестве Матэ Залка // ЛОКАФ. 1932. № 5. С. 138.

¹¹ Например: *Волков А.* Акмеизм и империалистическая война // Знамя. 1933. № 7. С. 181; *Гликман Л.* Война и песня // Залп. 1934. № 10. С. 31; *Тарасенков А.* Поэзия и русско-японская война 1904–05 гг. // ЛОКАФ. 1932. № 7. С. 171.

¹² См., например: *Цехновицер О.* Как обманывали солдат. Массовая лубочно-патриотическая литература 1914–16 гг. // Залп. 1934. № 7. С. 27; *Варшавский С.* «Цусима» // Залп. 1933. № 6. С. 56.

¹³ *Свирин Н.* Основные теоретические проблемы ЛОКАФ // Залп. 1931. № 2. С. 48.

¹⁴ *Свирин Н.* Военно-феодалный империализм и русская литература. Статья первая // Знамя. 1933. № 11. С. 159; *Майзель М.* Разрушение вымысла // Залп. 1933. № 5. С. 44; *Ухмылова Т. М.* Горький и революционные писатели в годы войны // Залп. 1934. № 7. С. 25; *Цехновицер О.* Марсианствующая беллетристика. К вопросу о качестве литературы мировой войны 1914–1918 гг. // Знамя. 1934. № 8. С. 206, 211.

¹⁵ *Михайловский Б., Песис Б.* Германский милитаризм в радиоискусстве // Знамя. 1934. № 2. С. 218; *Юновская Е.* Зарубежная хроника // Залп. 1934. № 6. С. 38.

о «сознательной преданности солдат революционным — “патриотическим” — по тогдашнему выражению — принципам»¹⁶.

В ряде случаев критики обращались к классической литературе как к образцу для советского писателя, что было связано в первую очередь с задачами литературной учебы (появлялись статьи с говорящими названиями вроде «Чему учиться у Некрасова»¹⁷, ответы читателям на вопросы, например, о методе стенографирования И.С. Тургенева¹⁸). Обучение мастерству шло параллельно с разбором убеждений классиков — на литературу прошлого переносили современные представления о патриотизме.

В 1933 г. в оборонных журналах развернулась дискуссия об А.С. Пушкине. В статье «Батальная тема в русской поэзии начала XIX в.» Б.М. Эйхенбаум описывал патриотические произведения поэта как неудачные и появившиеся под гнетом обстоятельств¹⁹. Он указывал, что поэмы «Полтава» и «Кавказский пленник» выполняли роль «литературной пропаганды завоевательной политики царизма», однако сглаживал это утверждение тезисом о «противоречиях оппозиционного либерального дворянства в его отношении к феодализму»²⁰. Более того, Эйхенбаум говорил о «двупланности» «Полтавы» («сквозь исторический материал просвечивает современность, но так, что ее прямой политический смысл остается неясным»)²¹.

После разгрома формальной школы работа, в которой шла речь о стиле, создании нового жанра поэзии, новом языке, необходимо сопровождалась припиской от редакции, мотивировавшей появление публикации ценностью фактического материала и отмечавшей формалистский подход статьи как ее недостаток²².

В дискуссию с критиком вступил Свирин в своей работе «Любопытная история поэзии (по поводу статьи Б. Эйхенбаума)». Как член редколлегии, он снова разъяснил, почему редакция сочла возможным поместить статью Эйхенбаума, и мотивировал обращение журнала к литературе XIX в.: «Без глубокого изучения и критического освоения классического наследия прошлого наши писатели не создадут монументальных, делающих эпоху в истории литературы, оборонных произведений»²³.

¹⁶ Четунова Н. Военный Бальзак // Знамя. 1933. № 9. С. 188.

¹⁷ Степанов Н. Чему учиться у Некрасова // Залп. 1934. № 10. С. 24–26.

¹⁸ [Б. н.] Письмо из редакции // Залп. 1934. № 5. С. 31.

¹⁹ Эйхенбаум Б. Батальная тема в русской поэзии начала XIX в. // Залп. 1933. № 5. С. 54.

²⁰ Там же. С. 55.

²¹ Там же. С. 54.

²² [Б. н.] От редакции // Там же. С. 57.

²³ Свирин Н. Любопытная история поэзии. По поводу статьи Б. Эйхенбаума // Залп. 1933. № 7–8. С. 55.

Летом 1932 г. Свирин в письмах другу, драматургу В.В. Вишневскому, рассказал о своей работе по изучению темы войны и армии в литературе XIX в., в частности, говорил о трех направлениях в этой теме (патриотическое, пацифистское и революционное), и эта триада повторяла описанную в оборонной критике смену убеждений героев в произведениях о Первой мировой войне. Тогда же он впервые упомянул Пушкина, которого отнес к первому направлению [12, с. 318]. Свирин продолжал писать и о современной ему оборонной литературе, но фокус его внимания смещался в сторону истории литературы.

Суть статьи Эйхенбаума виделась ему так: «у либерального дворянства — пацифистские настроения, у придворных, реакционных кругов — завоевательные»²⁴. В своем ответе критик говорил о национализме и интересе к войне либерального и революционного дворянства, декабристов²⁵, а «истинный патриотизм» в случае с дворянством XIX в. понимал как доступное немногим «осознание палаческой роли России» по отношению к «угнетенным народам»²⁶, в частности к Польше. Свирин утверждал, что вывод Эйхенбаума «об идейной нищете и стилистическом архаизме поэзии оппозиционного дворянства» неверен, отмечал разнообразие жанров, стилевые сдвиги в поэзии²⁷. Критик был не согласен и с мыслью о непоследовательности патриотической позиции Пушкина. Приведя список не упомянутых Эйхенбаумом патриотических произведений поэта, Свирин продолжил его примерами из переписки поэта, предлагая оппоненту: «если все воинственное творчество Пушкина — плод правительственного нажима и никак не отвечает истинным воззрениям самого поэта, — пусть т. Эйхенбаум приведет хотя бы одно *частное* письмо Пушкина, *интимную* запись в его дневниках, или *нецензурное* стихотворение, что говорило бы о том, что Пушкин *не* стоит на позициях великодержавного патриотизма, что Пушкин *против* завоевательной политики царизма, *против* покорения Кавказа, удушения Польши, побед Петра над шведами и над Украиной и т. д.»²⁸. Свирин предлагал не смешивать личные взаимоотношения поэта с императором и то,

²⁴ Там же. См. у Эйхенбаума: «пацифистские настроения явились, главным образом, в среде молодой дворянской интеллигенции; они были результатом осознания противоречий между социально-экономическими потребностями страны и развитием завоевательных тенденций царизма» (Эйхенбаум Б. Батальная тема в русской поэзии начала XIX в. // Залп. 1933. № 4. С. 67).

²⁵ Свирин Н. Любопытная история поэзии. С. 56. Позже Свирин описывал критику либеральным дворянством царской армии как «самокритику внутри господствующих классов, направленную на укрепление и реорганизацию армии» (Свирин Н. Военно-феодальный империализм и русская литература. Статья вторая // Знамя. 1934. № 1. С. 199).

²⁶ Свирин Н. Любопытная история поэзии. С. 56.

²⁷ Там же. С. 60.

²⁸ Там же. С. 58.

поддерживал ли он его политические решения. Критик, выступивший ранее с программной статьей об оборонной литературе, в которой развивал тезис «Искусство всегда обслуживало интересы господствующего класса»²⁹, остался ему верен и в дискуссии с Эйхенбаумом. Оправдание патриотических произведений отсутствием политической позиции у их автора воспринималось им как обвинение: «Попытки Эйхенбаума “обелить” Пушкина на деле не только морально принижают великого поэта (ибо все в конце концов объясняется *приспособленчеством* Пушкина), но и оглушают умнейшего, образованнейшего, гениального представителя дворянства, поднявшего в своем творчестве идею величия государства Российского на громадную теоретическую и художественную высоту, давшего на целое столетие классические формулы для программы русских националистов (“славянские ручьи сольются в русском море”))»³⁰.

Оба критика совпали в высокой оценке художественных качеств произведений поэта и, оставаясь в рамках социологического подхода, в определении его мировоззрения как чуждого пролетариату³¹. Различение «литературной формы и транслируемого ею мировоззрения» восходит к политике РАПП [9, с. 34], обратившейся к «учебе у классиков» еще в 1920-е гг. Различение не снимало вопроса о мировоззрении. Как при разборе современных произведений зарубежных писателей важна была оценка их личности и, главное, их позиции по отношению к СССР³², так и при обращении к литературе прошлых веков значимыми оказывались не только художественные достоинства или недостатки произведений, но и убеждения авторов. В биографиях писателей на первый план выводились факты, формирующие их образ, служившие примером для читателя³³. Классик воспринимался как нуждающийся в оправдании для того, чтобы советский писатель мог брать с него пример. Эйхенбаум доказывал, что патриотизм не был присущ Пушкину, чтобы иметь возможность высоко оценить его личность. Свириным же сочетал высокую оценку личности поэта

²⁹ Свириным Н. Литература и война // Свириным Н. Литература и война. [Л.]: ГИХЛ, [1931]. С. 7.

³⁰ Свириным Н. Любопытная история поэзии. С. 58.

³¹ В статье, открывшей том «Литературного наследства» (1934), посвященный Пушкину, описаны две крайности в оценке его творчества, которые демонстрируют, как широко распространен был социологический подход в сочетании с убеждением, что «учиться» можно только у «нашего» классика. Согласно первой группе работ, «Пушкин, являющийся детищем дворянской культуры, умер вместе с нею и ничем не может помочь в строительстве современной литературы», вторая же, напротив, говорила о том, что поэт «деклассировался» и стал идеологом декабризма и «мужицкой революции» (*Цейтлин А.* Наследство Пушкина // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18: Александр Пушкин. С. 6).

³² См., например, о смягчении оценки произведений Ч. Гаррисона в журнале «ЛЮКАФ» одновременно с указанием на его сочувствие революционным идеям: [3, с. 357–362].

³³ Об «опролетаривании» биографий писателей, которое происходило еще в 1920-е гг., см., например: [13, с. 32–33].

с признанием значительной его роли в формировании и утверждении идеологии царской России. Он считал необходимым пояснить приверженность поэта чуждой пролетариату идеологии, напомнив о его происхождении: «Великодержавнические и завоевательные тенденции были вполне естественным выражением одной из сторон дворянской идеологии. И Пушкин здесь отнюдь не был каким-то грустным и непонятным исключением»³⁴. Критик писал о прекрасной художественной форме русской классической литературы и об успешном выполнении «оперативного задания», данного государством³⁵. Именно эти особенности должен был перенять советский писатель у классиков.

Последнее слово в полемике, развернувшейся в журнале «Залп», осталось за Свириным. Ее отголоски прозвучали и в журнале «Знамя»: рецензия Н.В. Реформатской на собрание стихотворений Д. Давыдова со вступительной статьей Эйхенбаума воспроизводила аргументы, высказанные Свириным в ходе этой дискуссии³⁶. 29 июля 1934 г. заведующий критическим отделом А.К. Тарасенков писал Свирину о причинах такого совпадения: «я указал ей на Ваши и Эйхенбаумовские статьи, посоветовав использовать материал этой полемики. Одновременно я сказал ей, что точка зрения т. Свирина близка к точке зр<ения> редакции»³⁷. 23 октября 1934 г. редакция предложила Свирину стать штатным критиком с ежемесячной фиксированной оплатой сверх обычного гонорара³⁸. Журнал был согласен публиковать его работы о русской литературе XVIII и XIX вв. Показательно изменение отношения к историческому ракурсу рассмотрения литературы: ранее в этом же году, но до Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании отечественной истории в школах СССР», Тарасенков сообщал другому автору, И.С. Эвентову: «Что касается историч<еских> тем, то, конечно, они второстепенны и не так срочны по сравнению с темами сегодняшнего дня»³⁹.

Таким образом, оба журнала присоединялись к выводам Свирина о поддержке Пушкиным политики царизма, что включало в себя его патриотизм, и сильной стороной поэта видели его способность быть «сознательным идеологом своего класса»⁴⁰.

³⁴ Свирин Н. Мечом и пером // ЛОКАФ. 1932. № 11. С. 150.

³⁵ Там же. С. 162.

³⁶ Реформатская Н. Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений («Библиотека поэта» под редакцией М. Горького). Изд-во Писателей в Ленинграде. 1933. 302 стр. Ц. 7.50 к. 4.500 экз. // Знамя. 1934. № 5. С. 247–252.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. № 1080. Л. 179.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. № 1080. Л. 76.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. № 1081. Л. 116.

⁴⁰ Свирин Н. Военно-феодалный империализм и русская литература. Статья первая // Знамя. 1933. № 11. С. 166.

В 1934 г. произошло принципиальное изменение в отношении к патриотизму, приведшее к новой интерпретации взглядов классика. Оно вывело на первый план те тексты, которые и ранее предлагали положительную оценку патриотизма, но оставались на периферии критического дискурса⁴¹. М.С. Агурский проявления «красного патриотизма» (чувства гордости за Советскую Россию, противостоящую буржуазному миру) относит еще к периоду Гражданской войны [1, с. 147]. С.А. Колбасьев, выпускник Морского кадетского корпуса, защищая патриотические мотивы перехода своих персонажей, бывших офицеров царского флота, на сторону красных, отсылал к опубликованному 30 мая 1920 г. в газете «Правда» воззванию: «“Патриотическая” мотивировка т. Варшавскому показалась неубедительной и чуть что не антисоветской. Однако партийное руководство времен гражданской войны на этот счет по-видимому придерживалось как раз обратного взгляда. Иначе оно не разрешило бы напечатания в нашей прессе воззвания Брусилова к бывшим офицерам, где он призывал их на борьбу с поляками именно из “патриотических” соображений защиты России»⁴². В воззвании шла речь о «родной матери России», о «любви и преданности к родине»⁴³. Это было обращение к патриотическим чувствам, хотя слово «патриотизм» и не употреблялось, а в случае с белыми офицерами это был уже «бывший патриотизм», как охарактеризовал его Колбасьев⁴⁴. На смену ему пришел новый.

6 июля 1934 г. в газете «Известия» была опубликована статья Н.И. Бухарина «Рождение и развитие социалистической Родины», в ней впервые было употреблено словосочетание «советский патриотизм» [6, с. 49–50]. Новый патриотизм, отмежевавшись от «зоологического расизма, шовинистического мракобесия, глупой национальной ограниченности и тупоумия буржуазных патриотов», утверждал любовь к родине, значимой характеристикой которой оставался советский строй («патриоты Советской земли, которая есть не чисто территориальное понятие»). Эта идеологическая конструкция дополнялась важным территориальным измерением: «Защищать теперь мы будем не идею, <...> **а уже огромный полнокровный организм**»⁴⁵.

⁴¹ Е.А. Добренко писал о такой важной черте культуры соцреализма, как взаимодействие и сосуществование противоположных начал, «достаточно лишь в нужный момент **актуализировать** нужный полюс, чтобы вся парадигма поднялась на поверхность» [5, с. 6]. В статье идет речь о соцреализме, однако подобная ситуация характерна и для более раннего периода.

⁴² Колбасьев С. Перелет // Залп. 1931. № 3. С. 55.

⁴³ Брусилов А.А. и др. Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились // Правда. 1920. 30 мая. № 116. С. 1.

⁴⁴ Колбасьев С. Перелет. С. 54.

⁴⁵ Бухарин Н. Рождение и развитие социалистической родины // Известия. 1934. 6 июля. № 156. С. 3.

Журнал «Знамя» быстро отреагировал на новую установку. «Наша литература о современной Красной армии должна во весь рост поставить перед собой задачу освоения таких чувств и понятий, как чувство советского патриотизма и любви к родине», — говорилось в статье председателя Оборонной комиссии Оргкомитета ССП Л.М. Субоцкого, помещенной в седьмом номере за 1934 г. (сдан в производство с задержкой, 15 июля, на два месяца позже предыдущего номера)⁴⁶.

Советский патриотизм мог встроиться в уже имевшуюся в оборонной критике схему. Иногда он наделялся положительным значением, если патриотами оказывались те, кто хотел сменить существующий социальный строй на более прогрессивный, например: «Борясь с интервентами, Беранже отстаивал отечество буржуазно-демократической революции против феодально-крепостнической реакции. Господа Тардые и Бонкуры в своем “патриотизме” так же похожи на патриотизм Беранже, как “патриотизм” господ Милоковых, Керенских, Красновых и Врангелей <...> похож на патриотизм Пестеля и Герцена, боровшихся за освобождение своей страны от гнета феодализма»⁴⁷. Борьбы за социализм оказывалось достаточно, чтобы говорить о советском патриотизме в положительном ключе. Однако в уже названной статье Субоцкого шла речь не о защите строя, а о защите родины. Он развивал тезис, уже озвученный в официальной прессе: «в защите родины — высший закон»⁴⁸. Это принципиально меняло риторику и подразумевало новое наполнение понятия.

В 1935-1936 гг. происходило уточнение понятия «патриотизм». 19 марта 1935 г. в газете «Правда» вышла передовая статья «Советский патриотизм», в которой часто употреблялось слово «народ», шла речь о любви к стране и об угрозе со стороны «подлых и обреченных врагов»⁴⁹. Годом позже К. Радек в статье с тем же названием примирял очевидные нестыковки идей советского патриотизма и мировой революции, утверждая, что первая «в ее историческом смысле как стремление к освобождению от внутреннего и внешнего гнета» не противоречила связанному со второй принципу интернационализма и в настоящий момент «пролетарский интернационализм рабочих всего мира только тогда есть действие, а не мечта, когда он готов все сделать для защиты СССР, когда он сливается с советским патриотизмом»⁵⁰.

Оборонная критика осваивала новые тезисы. Летом 1934 г. слово «патриотизм» употреблялось в привычном контексте и оценивалось отри-

⁴⁶ Субоцкий Л. Темы, которые еще ждут своих художников // Знамя. 1934. № 7. С. 221.

⁴⁷ Лелевич Г. Военная тема в поэзии Беранже // ЛОКАФ. 1932. № 7. С. 180.

⁴⁸ См., например: Васильковский Г. Высший закон жизни // Правда. 1934. 28 мая. № 145. С. 4.

⁴⁹ [Б. п.] Советский патриотизм // Правда. 1935. 19 марта. № 77 (6323). С. 1.

⁵⁰ Радек К. Советский патриотизм // Правда. 1936. 1 мая. № 120 (6726). С. 6.

цательно⁵¹. Со второй половины 1935 г. в журнале «Знамя» о патриотизме с положительной оценкой стали писать 1–2 раза в год в сочетании с определением «советский».

Свирин продолжил писать о Пушкине, но уже не о его патриотизме⁵². В статье, вышедшей в 1935 г., он выделил два направления «колониальной» литературы («официально-патриотическая, шовинистическая литература» и «литература либерального дворянства»), включив Пушкина во второе⁵³. Выстраивалась ложная дихотомия, которая могла подтолкнуть к сопоставлению по признаку убеждений, причем либеральному дворянству приписывалась критика «полицейско-бюрократического строя самой России»⁵⁴, что смягчало предыдущие заявления о вкладе Пушкина в создание патриотической идеологии царизма. Такая перемена могла быть связана с новым подходом Свирина к материалу. В письме к Вишневскому от 22 июня 1935 г. он говорил о стремлении изучать Пушкина вне идеологических рамок⁵⁵. В 1936 г. Свирин был избран в Пушкинскую комиссию АН СССР⁵⁶ и в редакционный совет по академическому изданию Полного собрания сочинений Пушкина.

Внедрение идеи советского патриотизма происходило в связи с переосмыслением дореволюционного прошлого и «русским поворотом» в национальной политике⁵⁷. Воинские победы России становились поводом для гордости, а ее противники и само нападение на нее оценивались отрицательно, причем в расчет не принималось то, что имело значение ранее (государственный строй и обстоятельства войны). В то же время сохранялся тезис о регрессивности царизма, на смену которому пришел новый строй. Соединить гордость за победы страны и отторжение старого строя помогло разделение народа и государственной власти в нарративах о прошлом.

Эти тенденции нашли отражение в статье С.М. Петрова «Роман Пушкина о 1812 годе» — первой опубликованной в журнале «Знамя» работе,

⁵¹ Например: *Цехновицер О.С.* 1) Горький в эпоху мировой войны // *Знамя*. 1934. № 7. С. 230–231, 236; 2) Марсианствующая беллетристика. К вопросу о качестве литературы мировой войны 1914–1918 гг. // *Знамя*. 1934. № 8. С. 200, 218.

⁵² *Свирин Н.* Пушкин и Восток // *Знамя*. 1935. № 4. С. 204–229.

⁵³ *Свирин Н.* Первый русский роман о Кавказе // *Знамя*. 1935. № 7. С. 239. Свирин и ранее относил Пушкина к либеральному дворянству (*Свирин Н.* Мечом и пером. С. 146.).

⁵⁴ *Свирин Н.* Первый русский роман о Кавказе. С. 239.

⁵⁵ Свирин писал, что в его работе происходит «происходит непрерывный процесс углубления подхода к Пушкину. Я назвал бы этот процесс преодолением “локафовской ограниченности”», выделял несколько его линий, в первую очередь «перемещение центра тяжести с “политики” — на литературоведение» (РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. № 3076. Л. 123).

⁵⁶ 9 февраля 1936 г. был избран в Комиссию по представлению М.А. Цявловского, Ю.Г. Оксмана, С.М. Бонди, Т.Г. Земгер, Г.О. Винокура [18, с. 177].

⁵⁷ О подчеркивании ответственности дореволюционной России и СССР и «реабилитации» ее истории в «Правде» 1936 г. см.: [6, с. 70–72], о «русском повороте» см., например: [11, с. 468–527].

в которой слово «патриотизм» часто употреблялось с положительной коннотацией. Статья вышла в августовском номере 1937 г. и была посвящена работе поэта с историческими сюжетами. Она внесла вклад в празднование годовщины смерти поэта, проходившее в государственном масштабе и поставившее точку в спорах о «благонадежности» Пушкина. М. Левитт отмечал, что юбилей поэта 1949 г. «отражал пропаганду патриотизма и идеи величия русского народа» [10, с. 185]⁵⁸. Это было характерно и для торжеств 1937 г. Если Свириным писал, что Пушкин в стихотворениях «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» стоял «целиком на стороне Николая I, который, по выражению Маркса, растоптал ногами польскую конституцию»⁵⁹, то Петров подчеркнул, что «эти патриотические стихи Пушкина были направлены не против уже окончившегося польского восстания, а против угрозы интервенции»⁶⁰. Петров говорил об «истинном» патриотизме декабристов, который являлся «выражением патриотизма народа, его национального самосознания» и утверждал, что Пушкин «пробуждение чувства национальной независимости в народе» относил к 1812 г.⁶¹ Отметим, что ранее Свириным вслед за Лениным подчеркивалась регрессивная роль побед России в войнах XIX в., а заявления русских писателей об общенациональном и оборонительном характере войн квалифицировались им как способ «обманывать народ»⁶².

Петров утверждал, что Пушкин своим истинным патриотизмом разоблачал напускной патриотизм дворянства, а «стрелы Пушкина были направлены не только против широких кругов дворянства, но и против дворянской государственности, самодержавного строя»⁶³. И Эйхенбаум, и Свирин говорили о государственном патриотизме. Петров близок Эйхенбауму тем, что Пушкин в его интерпретации оказывался борцом с государственным патриотизмом.

В том же 1937 г. в журнале «Знамя» разъяснялась сущность советского патриотизма с перечислением свойств, нашедших отражение в высказываниях Петрова о патриотизме Пушкина (опора на народность, признание прошлого, защита государства): «Советский патриотизм — это народный патриотизм. Естественной и неотъемлемой составной частью входят в него

⁵⁸ Тогда утверждение патриотизма Пушкина звучало явно и повсеместно, см., например, статью Д.Д. Благого с подзаголовком «К 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина» под названием «Великий русский патриот» (Пограничник. 1949. № 10. 30 мая. С. 48–51). В этот же период «организация эстетического канона будет окончательно связана с процессом вызревания в литературе патриотической идеи» [19, с. 101–102].

⁵⁹ Свирин Н. Мечом и пером. С. 147.

⁶⁰ Петров С.М. Роман Пушкина о 1812 году // Знамя. 1937. № 8. С. 246.

⁶¹ Там же. С. 241, 242, 252.

⁶² Свирин Н. Военно-феодалный империализм и русская литература. Статья первая // Знамя. 1933. № 11. С. 163.

⁶³ Петров С.М. Роман Пушкина о 1812 году. С. 258.

исторические традиции нашей Великой родины, ее умение на протяжении многих веков отстоять свою национальную и государственную самостоятельность»⁶⁴. Таким образом, в журнале завершился поворот по отношению к патриотизму. После статьи Петрова это слово снова стало появляться часто и, в отличие от начала 1930-х гг., в положительном смысле (в том числе применительно к царской России⁶⁵).

Обсуждение оборонной критикой вопроса о патриотизме Пушкина отражало смену идеологического вектора середины 1930-х гг. и транслировало ожидания от современных советских писателей, создававших произведения военной тематики.

Оборонная литература обращалась к прошлому, чтобы обосновать право советской власти на ее доминирующее положение как внутри страны, так и на международной арене, изображала потенциального противника в новой войне и создавала привлекательный образ современной армии. Содержание произведений, распространенные сюжеты, соотношение тем менялись, в том числе под влиянием политических кампаний. В ряде случаев реакция была краткосрочной, например в ответ на военные маневры Англии, Франции и др. стран в июне 1931 г. на Балтике вышла «Юбилейная поэма» А. Гитовича, об учениях шла речь также в рассказе В. Кнехта «Пират любви»⁶⁶. Такие события влияли на упоминания стран в произведениях советских писателей, пока воспоминания о них оставались актуальными или не менялась политическая обстановка (так, французские крейсеры «Турвиль» и «Кольбер» повести А.М. Дмитриева «Есть — вести корабль» 1931 г. издания превратились в английские «Аякс» и «Аэрондюк» в 1934 г., наконец, в 1936 г. они были заменены на иностранные крейсеры без названий).

Введение понятия советского патриотизма имело долгосрочные последствия для оборонной литературы. В первую очередь перемены коснулись произведений о прошлом, расширился круг тем, в который вошла история России до XX в. Редакция, как и писатели, не всегда достаточно быстро и полно реагировали на смену курса. В сентябрьском номере 1936 г. была опубликована повесть В.П. Аристова «“Дело” подполковника Энгельгардта», а в 1937 г. журнал уже признавал ошибку — автор не показал народный патриотизм во время войны 1812 г., говорил о надежде крестьян на Наполеона, который принесет спасение от крепостничества, критике

⁶⁴ [Б. н.] История нашей родины и задачи советских писателей // Знамя. 1937. № 10. С. 248.

⁶⁵ См., например о Г.И. Невельском, «патриоте, мечтающем о будущем своей Родины»: Хавин А. Русский Колумб // Знамя. 1939. № 5–6. С. 212.

⁶⁶ Подробнее об оборонной критике и литературе в связи с внутри- и внешнеполитическими событиями 1930–1932 гг. см.: [14].

подверглось также изображение активной позиции правящего класса⁶⁷: победа в войне должна была быть заслугой народа. Автор, взяв новую для оборонной литературы тему, следовал оценке войны 1812 г., распространенной в начале 1930-х гг. В течение 1937 г. из восьми членов редколлегии трое, в том числе ответственный редактор и его заместитель, были арестованы⁶⁸. Арестован был и автор первой концепции о патриотизме Пушкина Свири́н. Репрессии не были связаны напрямую с их деятельностью в журнале, однако, вероятно, повлияли на более осторожное следование редакции новым установкам.

Как отмечает Д.Л. Бранденбергер, из-за Большого террора «кампания, призванная обеспечить главную часть нового исторического катехизиса, неожиданно прервалась», имея в виду создание советского героического нарратива [2, с. 51]: бывшие герои становились врагами народа, книги приходилось изымать. Так что место новых героев могли занять деятели дореволюционной России. В то же время произведения о Гражданской войне продолжили выходить и после начала террора с уменьшением их количества в журнале «Знамя» в 1939 г. по сравнению с 1938 г.: в центре внимания оказывались либо безымянные герои («Братская могила», «Герой» Е.А. Долматовского, «Неизвестный товарищ» Ф.Ф. Кнорре, «Мамайская скала» С.И. Мирера и Г.С. Фиша, «Октябрь» А.А. Суркова, «Бессмертие» М.И. Юфит), либо погибшие в годы Гражданской войны революционеры (в частности С.Г. Лазо — в «Песне о партизане Сергее Лазо» И.Л. Сельвинского, «Памяти Лазо» Л.Н. Черноморцева), а из действующих советских деятелей героем произведений чаще всего становился К.Е. Ворошилов («Ворошилов» С. Стальского, «Луганская повесть» М.Л. Матусовского, К.М. Симонова).

Идеологический поворот сместил фокус оборонной литературы на защиту территории страны. Это было значительным изменением курса по сравнению с первым годом выхода журнала «ЛОКАФ», когда С.Б. Рейзин писал, что «военная работа с писателями означает помощь им в изучении ленинского учения о войне, сущности Красной армии, как

⁶⁷ См.: Малахов К. Историческая беллетристика в 1936 году // Знамя. 1937. № 5. С. 252–254; [Б. н.] История нашей родины и задачи советских писателей // Знамя. 1937. № 10. С. 251.

⁶⁸ Ланда Михаил Маркович (Майер (Меер) Моисеевич; 1890–1938) — в 1937 г. ответственный редактор журналов «Знамя», «Военная мысль», газеты «Красная звезда», начальник отдела печати ПУ РККА, реабилитирован в 1956 г.; Рейзин Семен Борисович (1899–1937) — в 1937 г. заместитель ответственного редактора журнала «Знамя», начальник культурно-просветительного отдела ПУ РККА, реабилитирован в 1956 г.; Субоцкий Михаил Матвеевич (1900–1938) — участвовал в организации работы ЛОКАФ и Оборонной комиссии, в 1931 г. — начальник сектора печати отдела агитации и пропаганды ПУ РККА, с 1932 по 1935 гг. — заместитель начальника этого отдела, реабилитирован в 1957 г.

армии пролетарской диктатуры и мировой революции»⁶⁹. На первый план вышли высказывания нового главного теоретика, И.В. Сталина, одно из которых («Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»⁷⁰) прозвучало еще в 1930 г. и использовалось в лозунгах, песнях на протяжении 1930-х гг. Инерция прежних идей сохранялась, но общий вектор описания войн, прошлых и будущих, изменился, описание классового разделения внутри армии противника с выделением близких по духу СССР рядовых постепенно начало размываться⁷¹.

Литература военной тематики, проводившая государственную идеологию, изменила и свое название. При характеристике таких произведений стали соседствовать определения «оборонная» и «патриотическая»⁷². В 1941 г. в приказе народного комиссара обороны СССР С.К. Тимошенко о юбилее журнала «Знамя» было сказано, что журнал «все эти десять лет возглавлял оборонную работу советских писателей, печатая лучшие патриотические произведения»⁷³.

Литература

1. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980. 321 с.
2. *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2009. 416 с.
3. *Бурцева А.О.* Критика иностранной литературы на страницах советского оборонного журнала «ЛЮКАФ»: как не стать Ремарком // *Slovēne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 347–367. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15
4. *Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1993. 405 с.
5. *Добренко Е.* «Правда жизни» как формула реальности // *Вопросы литературы*. 1992. № 1. С. 4–26.

⁶⁹ *Рейзин С.Б.* Лицом к творческим вопросам. К итогам первого Всесоюзного пленума ЛЮКАФ // *ЛЮКАФ*. 1931. № 4. С. 140.

⁷⁰ Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад тов. Сталина 27 июня 1930 г. // *Правда*. 1930. 29 июня. № 177 (4622). С. 2.

⁷¹ Инерция сохранялась и в военной пропаганде. В докладе начальника ПУ РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии, сделанном в мае 1940 г., в качестве одной из ошибок было названо неправильное разъяснение «интернациональных задач» армии и приведен пример изменения лозунга на более понятный бойцам уже во время войны: вместо «освобождения финского народа» — «безопасность Ленинграда» [8, с. 334–335].

⁷² См., например: *Красноставкий М.* Чапаев в народном творчестве // *Знамя*. 1938. № 7. С. 281.

⁷³ Приказ народного комиссара обороны Союза ССР // *Знамя*. 1941. № 2. С. 5.

6. *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.

7. *Закружная З.С.* История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 351 с.

8. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссии Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании / отв. сост. Н.С. Тархова. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 560 с.

9. *Калинин И.* Между фабрикой и музеем: риторика для пролетариата // Новое литературное обозрение. 2023. № 5 (183). С. 23–45. DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_23

10. *Левитт М.Ч.* Литература и политика: пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. 265 с.

11. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

12. От оборонной литературы к творчеству Пушкина: письма Н.Г. Свирина В.В. Вишневскому. Часть 1: 1930–1933, август / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Сысоевой // Литературный архив советской эпохи / отв. ред.-сост. Н.А. Прозорова. СПб.: АРТБУК, 2024. Кн. 4. С. 273–360. DOI: 10.31860/978-5-99052-529-0-273-360

13. *Савина Т.В.* На фоне Пушкина. Лингвистический аспект пушкинского дискурса 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 31–38. DOI: 10.17223/15617793/470/4

14. *Соловьева В.* Мобилизация литературы: конструирование идеологии в советских «оборонных» журналах // Quaestio Rossica. 2024. Vol. 12. № 2. С. 674–688. DOI: 10.15826/qr.2024.2.902

15. *Сысоева А.В.* Журнал «Залп» как инструмент поддержания и формирования оборонной литературы // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 3. С. 258–279. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279

16. *Сысоева А.В.* Из истории Оборонной комиссии Союза советских писателей: закрытие и реорганизация // Studia Litterarum. 2024. Т. 9. № 3. С. 452–467. DOI: 10.22455/2500-4247-2024-9-3-452-467

17. *Сысоева А.В.* Литературная борьба и судьбы ее участников: к истории формирования ЛОКАФ и его Ленинградско-Балтийского отделения // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5. С. 416–435. DOI: 10.22455/CM.2949-0510-2024-5-416-435

18. *Турчаненко В.В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии / отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Росток, 2020. Вып. 34. С. 144–180. DOI: 10.31860/0236-2481-2020-34-144-180

19. *Турчаненко В.В., Цыганов Д.М.* «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны). М.: Новое литературное обозрение, 2025. 792 с.

The Ideological Turn of the mid-1930s in the “Defense Criticism”: War, Patriotism and Pushkin

© 2025. Anastasia V. Sysoeva

Institute of Russian Literature (The Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgments: The work was carried out at IRL RAS (The Pushkin House) with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01122 “Soviet Defense Criticism as a Historical and Literary Phenomenon of the 1930s” (<https://rscf.ru/en/project/24-28-01122/>).

Abstract: In the early 1930s, members of the Literary Association of the Red Army and Navy began to separate works on military themes that fulfilled the organization’s stated function of “propagating the country’s defense goals in artistic form” and called them “defense literature.” By analogy, the term “defense” was applied to the criticism of these works, which was directed at their authors and readers. The article examines the impact on defense criticism and literature of the ideological campaign of enforcing Soviet patriotism, which took place simultaneously and in connection with the change in attitudes toward the history of pre-revolutionary Russia and the “Russian turn” in national politics. Representations of patriotism in defense criticism of the early 1930s are reconstructed on the basis of the repeated description in critical analyses of the hero’s beliefs’ evolution in works about World War I. The change of the concept is examined on the example of the discussion about Pushkin in 1933 in comparison with S.M. Petrov’s article about him in 1937. The critics’ conclusions about classical literature were relevant to contemporary writers because they corresponded to the current ideological course. Defense criticism mastered new attitudes throughout 1934-1937, changing the evaluation of the concept from negative to positive, bringing to the fore the security of territory instead of the formation. These changes were also reflected in literature, whose name had started to change to “patriotic”: it began to use historical material more often, going beyond the 20th century, and to reevaluate the results of Russia’s wars, which supported a reactionary (according to Vladimir Lenin’s definition) regime.

Keywords: ideology and literature, defense criticism, defense literature, *Znania* journal, *Zap* journal, Soviet patriotism, A.S. Pushkin, N.G. Svirin, B.M. Eikhenbaum, S.M. Petrov.

Information about the author: Anastasia V. Sysoeva, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-5908>

E-mail: sysoevaav@gmail.com

For citation: Sysoeva, A.V. “The Ideological Turn of the mid-1930s in the ‘Defense Criticism’: War, Patriotism and Pushkin.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 415–433. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-415-433>

References

1. Agurskii, M. *Ideologiia natsional-bol'shevizma* [*The Ideology of National Bolshevism*]. Paris, YMCA-Press Publ., 1980. 321 p. (In Russ.)
2. Brandenberger, D.L. *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovanie natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956 gg.)* [*National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of National Self-Consciousness (1931–1956)*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., DNK Publ., 2009. 416 p. (In Russ.)
3. Burtseva, A.O. “Kritika inostrannoi literatury na stranitsakh sovetskogo oboronnogo zhurnala ‘LOKAF’: kak ne stat’ Remarkom” [“The Soviet Journal ‘LOKAF’ on Foreign Literature: How not to Become Remarque”]. *Slověne*, vol. 10, no. 1, 2021, pp. 347–367. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15 (In Russ.)
4. Dobrenko, E. *Metafora vlasti. Literatura stalinskoï epokhi v istoricheskom osveshchenii* [*The Metaphor of Power: Literature of the Stalin Era in Historical Context*]. Munich, Verlag Otto Sagner Publ., 1993. 405 p. (In Russ.)
5. Dobrenko, E. “‘Pravda zhizni’ kak formula real’nosti” [“‘Truth of Life’ as a Formula for Reality”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 1992, pp. 4–26. (In Russ.)
6. Dubrovskii, A.M. *Istoriik i vlast’: istoricheskaiia nauka v SSSR i kontseptsiiia istorii feodal’noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [*Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930s–1950s)*]. Briansk, Briansk State Academician I.G. Petrovskii University Publ., 2005. 800 p. (In Russ.)
7. Zakruzhaia, Z.S. *Istoriia Literaturnogo ob’edineniia Krasnoi armii i flota (LOKAF) (po materialam otdela rukopisei IMLI RAN)* [*The History of the Literary Association of the Red Army and Navy (LOKAF) (Based on the Materials of the Department of Manuscripts of IWL RAS): PhD Dissertation*]. Moscow, 2019. 351 p. (In Russ.)
8. “Zimniaia voina”: rabota nad oshibkami (aprel’–mai 1940 g.). *Materialy komis-sii Glavnogo voennogo soveta Krasnoi armii po obobshcheniiu opyta finskoi kampanii* [“Winter War”: Working over Mistakes (April–May 1940). Materials of the Commission of the Main Military Council of the Red Army on Generalizing the Experience of the Finnish Campaign], ex. comp. N.S. Tarkhova. Moscow, St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
9. Kalinin, I. “Mezhdru fabrikoi i muzeem: ritorika dlia proletariata” [“Between Factory and Museum: Rhetoric for the Proletariat”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (183), 2023, pp. 23–45. DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_23 (In Russ.)
10. Levitt, M.Ch. *Literatura i politika: pushkinskii prazdnik 1880 goda* [*Literature and Politics: Pushkin’s Holiday of 1880*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)
11. Martin, T. *Imperiia “polozhitel’noi deiatel’nosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [*The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 855 p. (In Russ.)

12. “Ot oboronnoi literatury k tvorchestvu Pushkina: pis'ma N.G. Svirina V.V. Vishnevskomu. Chast' 1: 1930–1933, avgust” [“From Defense Literature to the Work of Pushkin: N.G. Svirin's Letters to V.V. Vishnevsky. Part 1: 1930–1933, August”], introd., text prep. and comm. by A.V. Sysoeva. Prozorova, N.A., editor. *Literaturnyi arkhiv sovetskoi epokhi* [Literary Archive of the Soviet Era], book 4. St. Petersburg, ARTBUK Publ., 2024, pp. 273–360. DOI: 10.31860/978-5-99052-529-0-273-360 (In Russ.)

13. Savina, T.V. “Na fone Pushkina. Lingvisticheskii aspekt pushkinskogo diskursa 1920–1930-kh gg.” [“With Pushkin at the Background. The Linguistic Aspect of Pushkin's Discourse of the 1920s–1930s”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 470, 2021, pp. 31–38. DOI: 10.17223/15617793/470/4 (In Russ.)

14. Solov'eva, V. “Mobilizatsiia literatury: konstruirovaniie ideologii v sovetskikh 'oboronykh' zhurnalakh” [“Mobilization of Literature: The Construction of Ideology in Soviet 'Defence' Magazines”]. *Quaestio Rossica*, vol. 12, no. 2, 2024, pp. 674–688. DOI: 10.15826/qr.2024.2.902 (In Russ.)

15. Sysoeva, A.V. “Zhurnal ‘Zalp’ kak instrument podderzhanii i formirovaniia oboronnoi literatury” [“‘Zalp’ Magazine as a Tool to Support and Form Defense Literature”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 258–279. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279 (In Russ.)

16. Sysoeva, A.V. “Iz istorii Oboronnoi komissii Soiuza sovetskikh pisatelei: zakrytie i reorganizatsiia” [“From the History of the Soviet Writers' Union's Defense Commission: Closing and Reorganization”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 452–467. DOI: 10.22455/2500-4247-2024-9-3-452-467 (In Russ.)

17. Sysoeva, A.V. “Literaturnaia bor'ba i sud'by ee uchastnikov: k istorii formirovaniia LOKAF i ego Leningradsko-Baltiiskogo otdeleniia” [“Literary Struggle and the Fate of Its Participants: To the History of the Formation of LOKAF and Its Leningrad-Baltic Branch”]. *Codex manuscriptus*, issue 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 416–435. DOI: 10.22455/CM.2949-0510-2024-5-416-435 (In Russ.)

18. Turchanenko, V.V. “Nauchnye zasedaniia, organizatsionnye sobraniia i soveshchaniia Pushkinskoi komissii Akademii nauk SSSR (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN)” [“Scientific Sessions, Organizational Meetings and Meetings of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences (Based on the Materials of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)”]. Balakin, A.Iu., editor. *Vremennik Pushkinskoi komissii*, [Periodical of the Pushkin Commission] issue 34. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, pp. 144–180. DOI: 10.31860/0236-2481-2020-34-144-180 (In Russ.)

19. Turchanenko, V.V., and D.M. Tsyganov. “Pushkin nash, sovetskii!” *ocherki po istorii filologicheskoi nauki v stalinskuiu epokhu (Idei. Proekty. Persony)* [“Pushkin is Ours, Soviet!” *Essays on the History of Philological Science in the Stalin Era (Ideas. Projects. People)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 792 p. (In Russ.)